

Т. А. ЧЕРНОВЕРСКАЯ
ЛИЧНОСТЬ И СУДЬБА

«Есть нечто ужасное в священном чувстве любви к отечеству; оно столь исключительно, что заставляет пожертвовать всем, без сострадания, без страха, пренебрегая мнением людей во имя общественного блага».

Сен-Жюст

«Человек, почувствовавший себя способным сотворить себе новый характер благодаря чуждым его натуре обстоятельствам, не может избежать впадения в заблуждение».

Шарль Подье

I

25 августа 1767 г. кюре церкви Сент-Аре в Десизе, провинция Ниверне, Эдмон Робино крестил сына своей племянницы Мари Анн Робино. Крестным отцом был Антуан Робино, священник из Верней (близ Десиза), под присмотром которого новорожденный, получивший имя Луи Антуан, воспитывался до четырех лет, Робино — священники и хирурги, аптекари и юристы — были известны в Десизе с XVI в. Отец Мари Анн Леонар был королевским нотариусом в Десизе, и хотя его отец был булочником, сам он удостоился должности эшевена. Муж Мари Анн Робино Луи Жан де Сен-Жюст де Ришбур не принадлежал по рождению, несмотря на аристократическое звучание имени, к дворянскому сословию, а происходил из сельской семьи, возвысившейся над своими соседями: его дед Шарль Адам де Сен-Жюст, оставаясь земледельцем, получил должность управляющего сеньории в Айтиши (Пикардия); отец, Шарль де Сен-Жюст, управлял имением графа Брюне д'Эври по соседству в Намселе и арендовал у него же ферму. Луи Жан был пятым сыном в семье, и не рассчитывая на сколько-нибудь значительную долю отцовского наследства, избрал военную карьеру. За более чем тридцать лет безупречной службы он добился лишь звания капитана кавалерии и смог обзавестись семьей лишь в пятьдесят лет.

Вскоре после смерти отца и рождения сына мессир Луи Жан де Сен-Жюст вышел в отставку и перебрался вместе с женой на родину в Пикардию, унаследовав должность управляющего имением графа Брюне. В Намселе у них родились две дочери. В 1776 г. сбережения всей жизни и полученные наследства позволили Луи Жану приобрести дом в Блеранкуре и зажить там на доходы с принадлежавшей ему земли и пенсию.

Именно в Пикардии, в Блеранкуре, прошли детство и юность Луи Антуана Сен-Жюста. Именно здесь он увидел, что «там, где есть очень крупные

собственники, мы видим одних лишь бедняков: в областях крупной культуры ничего не потребляют» (с. 294). В Пикардии, с ее бескрайними равнинами и плодородной почвой раньше, чем в других областях Франции, сложилось крупное зерновое фермерское хозяйство: ферма Петрон, которую арендовал дед Луи Антуана, с ее 95 га земли не только не была чем-то исключительным, но и значительно уступала расположенным по соседству фермам Карьер (150 га), Лож (около 200 га) или Луар (более 288 га). Последняя находилась в руках Роже Лемуана, кузена Луи Жана и впоследствии опекуна его детей. Исключения представляли низменные речные долины в бассейне Уазы, и, в частности, в районе Влеранкура, где более трети земель составляли болота, лесистые склоны и прочие неудобья. Крупные фермы здесь были редки и не превышали 70—80 га, от трети до половины обрабатываемой земли занимали мелкие крестьянские хозяйства. Блеранкур был одной из самых бедных коммун кантона, социальные контрасты здесь были сглажены, крестьянская нужда несколько смягчена сохранявшими свое значение общинными распорядками.

Семья Луи Жана де Сен-Жюста заняла достаточно высокое положение в этом полусельском обществе, но сам он прожил в Блеранкур лишь около года, скончавшись в сентябре 1777 г. В том же году Луи Антуана определили в коллеж Сен-Никола в Суассоне. В отличие от коллежа Людовика Великого, где учился Робеспьер, этот коллеж не принадлежал к числу привилегированных и издавна находился в руках монахов-ораторианцев, а не иезуитов. Как и в любом коллеже Франции того времени, в Сен-Никола основное внимание уделялось изучению древних языков и античной истории. Однако преподавание здесь велось не на латыни, а на французском языке, довольно основательно изучались математика, география, отечественная история, изящные искусства.¹ Риторiku в Сен-Никола преподавал будущий бабувист Сильви, логику — будущий член Конвента Дону; учителем Сен-Жюста называют также одного из будущих лидеров республиканских заговоров против Наполеона Эва Демайо. Коллеж имел неплохую по тем временам библиотеку, где были собраны отнюдь не только разрешенные цензурой книги. Основанная на заучивании различных текстов система обучения в коллеже, по-видимому, не слишком тяготила Сен-Жюста, обладавшего блестящей памятью, — среди бумаг его коллег по Комитету общественного спасения Бертрана Барсра сохранилась запись, сделанная рукою Сен-Жюста: «Если вас поразило изречение, мысль, или что-то еще в книге, прочтите раза два: вы это запомните».² Воспоминания современников, записанные через полвека после гибели Сен-Жюста, рисуют его сорванцом, с трудом подчиняющимся суровой дисциплине учебного заведения, но в то же время учеником одаренным и трудолюбивым.³

Судя по всему, Сен-Жюста в коллеже отличали, во-первых, вкус к тому роду литературы, который называли либертинажем, к литературе, сочетающей фривольность с известной долей свободомыслия, и во-вторых, интерес к

¹ Среди вещей Сен-Жюста, проданных с торгов 12 фрюктидора III года, была «складная флейта слоновой кости» (AR. 1923. P. 513), а в музее Блеранкура экспонировался выполненный им рисунок головы Антинон.

² Barere V. Memoires. Paris, 1842. T. 1. P. 129.

³ Fleury Ed. Saint-Jusiet la terreur. Paris, 1852. T. 1. P. 16—22.

истории своего края, древней Нейстрии, сердца раннефранкского государства. Таковы первые дошедшие до нас сочинения Сен-Жюста — история замка Куси и его сеньоров и поэма «Органт», первые песни которой также написаны в середине 80-х годов.

В то время когда для передовых мыслителей история служила формой завуалированной критики существующего порядка, способом доказать неправедность его возникновения, Сен-Жюст в своей «Истории замка Куси» целиком и полностью следует за официальной, в первую очередь церковной историографией. Он описывает историю Куси, если и не оправдывая, то во всяком случае объясняя жестокость его сеньоров духом времени, одобряя все их деяния во славу церкви и короля, в том числе и беспощадное подавление народных восстаний. Ничто в этом сочинении не предвещает будущего революционера, будущего «царубийцу». Можно было бы предположить, что мы имеем дело просто со школьным сочинением, написанным в соответствии с требованиями отцов-ораторианцев. Но и в первых песнях поэмы «Органт», написанных в жанре рыцарской поэмы, мы видим Карла Великого и его окружение, военные подвиги и любовные приключения — и ни малейшего намека на недовольство, на критику современного общества, присущую последующим песням.

Создается впечатление, что Сен-Жюст в пору ранней юности очень серьезно относился к новому для его семьи социальному статусу, к приобретенному отцом на военной службе дворянскому достоинству. Этот традиционный путь аноблирования, связанный с происхождением и функциями дворянского сословия как сословия военного, стал в XVIII в. крайне редким, и юный Луи Антуан имел основания гордиться своим дворянством, хотя и новоприобретенным, но полученным по праву, а не купленным за деньги. Но, оторвавшись от своего круга, он так и не примкнул к новому, и в результате оказался практически в изоляции, в чем ему вскоре пришлось убедиться.

Первое юношеское чувство оказалось неожиданно сильным и глубоким. Терезе Желе было тогда пятнадцать лет, Антуану (она предпочитала это имя) — почти на год меньше. Вероятно, в конце 1785 или в начале 1786 г. он сделал предложение — и получил отказ от ее отца, нотариуса Антуана Желе. Его избранницу в июле 1786 г. спешно выдали замуж за сына другого блеранкурского нотариуса.⁴

Оставаться дома стало невозможно, да и пора было выбрать какое-то дело: ему исполнилось девятнадцать, коллеж окончен. Однако ни юридическая карьера деда, ни духовная карьера крестного, сулившие благополучие и спокойную жизнь, его не привлекали. Только военная служба достойна дворянина. только в Париже и только в королевской гвардии, как заявил он позднее на допросе. Но для этого требовались немалые средства, а мать не желала тратить деньги впустую...

Собрав подвернувшиеся под руку серебряные вещи, Луи Антуан бежит в Париж. Но три недели спустя по просьбе матери его арестовывают и препровождают на полгода в исправительный пансион Мари де Сен-Колон.

⁴ Историю отношений Сен-Жюста и Терезы рассказала, опираясь на семейные архивы и на устную традицию, М. Л. Шармело: Charmelot M. A. Saint-Just, ou le chevalier Organt. Paris, 1957.

Вынужденный досуг заставил Антуана о многом задуматься. Прежде всего, почему ему отказали? Почему верхушка третьего сословия Блеранкура отторгала его? И почему он арестован, заключен без суда и следствия? Преступления он не совершил: являясь законным наследником своего отца, он по достижении совершеннолетия становился владельцем всего движимого имущества.⁵ Полгода, проведенные в пансионе мадам де Сен-Колон, стали переломными. В одно и то же время Сен-Жюсту суждено было пережить личную драму и ощутить себя жертвой социальной несправедливости. И вот появляются в «Органте» сатирические строки, направленные против церкви, против королевского двора, против короля и самой королевской власти.

По-видимому, тогда же он остановил свой выбор на юриспруденции, полагая, что она будет не слишком мешать литературным занятиям: по выходе на свободу он поступил в качестве второго клерка к суассонскому прокурору Дюбуа-Дешарму. В октябре 1787 г. имя Сен-Жюста впервые фигурирует в экзаменационных листах юридического факультета Реймского университета.

Вероятно, именно в это время он начинает особенно внимательно наблюдать за жизнью окружающих его людей. А увидеть можно было многое. 13 июля 1788 г. над рядом районов Пикардии пронеслась буря с градом, уничтожив две трети урожая. Зима выдалась на редкость суровая. Смертность возросла почти вдвое. Не случайно в песне XVI «Органта» появляются строки:

Рукою немощной, иссушенной нуждой,
Напрасно пахарь разрывает землю;
Вернется вечером, и страшное отчаяние
Сойдет в его печальное жилище:
Он увидит свою безутешную жену.
Машу хижину, скажет она, ограбили.
Кто ж сделал это? спросит в ужасе супруг;
Кто ж сделал? это кто же допустил? — Король!

(V. I. P. 170)

Память об этом тяжелом годе, когда Сен-Жюст, по словам его друга Пьера Гато, отправлялся «пешком, в непогоду», чтобы отдать «делу защиты обездоленных и угнетенных свои заботы, свое красноречие, свое состояние и самую жизнь» (V. I. P. XI), сохранилась и в более поздних сочинениях Сен-Жюста. Но в эту страшную зиму он увидел не только бедствия. «Бедствия и взаимная помощь соединили сердца» (с. 183), — писал он два года спустя.

Поэма «Органт» была опубликована в мае 1789 г. Не отличаясь литературными достоинствами, она содержала резкую критику существующего порядка, неприкрытые намеки на события последних лет, а также любовные сцены, вольно изображенные. Того и другого было достаточно, чтобы возбудить преследования против книги и ее автора (поэма была издана анонимно). 10 июня 1789 г. парижская полиция приступила к разысканию и изъятию поэмы.⁶

Падение Бастилии избавило Сен-Жюста от угрозы ареста. Но в то же

⁵ Совершеннолетним во Франции того времени считался человек, достигший возраста 25 лет.

⁶ *Vellay Ch. Les poursuites contre «Organt» // Rev. bleu. 1907. Т. 8. № 6. P. 187—3 87.*

время он испытал серьезное потрясение, когда увидел, как «народ насаживал на пики головы особ самых ненавистных, пил их кровь, вырывал их сердца и пожирал их» (с. 185). Картины народного гнева напомнили Сен-Жюсту историю Древнего Рима, где «убийство некоторых тиранов совершалось как религиозный акт» (с. 185).

Пребывание в Париже бурным летом 1789 г., посещение заседаний Национального собрания и Якобинского клуба, знакомство с рядом политических деятелей, в частности с Камиллом Демуленом, открыли для Сен-Жюста новую сферу деятельности, новые возможности заявить о себе. В Блеранкур он возвратился осенью 1789 г. пламенным защитником идей революции. В городе на свой лад произошла одна из «муниципальных революций», которые прокатились по всей стране во второй половине 1789 г. В начале февраля 1790 г. из муниципалитета были удалены представители старой сеньориальной администрации (в том числе Антуан Желе), мэром Блеранкура был избран Луи Оноре, старый зажиточный крестьянин, а секретарем муниципалитета — Пьер Виктор Тюйе, друг и единомышленник Сен-Жюста. Сам Сен-Жюст из-за возрастного ценза (25 лет) не мог быть избран членом блеранкурского муниципалитета, но сблизился с его руководством и приобрел определенную репутацию среди местной общественности. В апреле 1790 г. граждане Блеранкура делегировали его на департаментское собрание в Шони, где должен был определиться главный город департамента Эна, а в середине мая он стал инициатором патриотической манифестации, сообщение о которой в виде адреса Блеранкурской коммуны было по постановлению Национального собрания отпечатано для распространения по всей Франции. Получив три десятка экземпляров листовки-памфлета, подписанной несколькими депутатами Национального собрания и направленной против принятого Собранием декрета о гражданском устройстве духовенства, Сен-Жюст добился созыва муниципалитета для публичного осуждения содержания этой листовки. Муниципалитет постановил сжечь памфлет, и Сен-Жюст, держа руку над пламенем, «произнес клятву умереть за отечество и Национальное собрание и скорее погибнуть в огне, как это сочинение, чем забыть свою клятву».⁷ Событие произвело впечатление на земляков,

В качестве заместителя командира Национальной гвардии Блеранкура Сен-Жюст принимает участие в создании се отрядов в тех коммунах, где их еще не было, выступает в своем кантоне инициатором движения Федерации и в результате избирается почетным командиром отряда Национальной гвардии кантона, делегированного на национальный Праздник Федерации, который состоялся в Париже 14 июля 1790 г.

А примерно через месяц после возвращения он пишет свое первое письмо Робеспьеру, полное восхищения и одновременно преследующее вполне практическую цель. Сен-Жюст просил поддержать петицию о сохранении в Блеранкуре ежемесячных открытых рынков скота, которые для жителей местечка, деливших свое время между сельским хозяйством и ткацким ремеслом, имели жизненное значение.

Среди требований, выдвигавшихся французским крестьянством в первые

⁷ Hamel. P. 61—65.

годы резолюции, было возвращение общинам земель, отторгнутых сеньорами в результате триажа.⁸ Декретом Учредительного собрания от 15—28 марта 1789 г. право триажа отменялось на будущее время, и общины должны были вернуть себе земли, присвоенные сеньорами за последние тридцать лет. Еще раньше сельские коммуны получили право обжаловать через суд узурпацию общинных земель. Воспользовавшись этим, Блеранкурская коммуна обратилась в начале июля 1790 г. к администрации дистрикта Шони за разрешением земельных споров со сьером Грене. От имени Грене выступал его управляющий, нотариус Желе, защитником интересов своих сограждан был избран Сен-Жюст. Переговоры начались в октябре, и на первых порах создалось впечатление, что можно легко достигнуть договоренности, «благодаря доброте сердца сьера Грене» (V. I. P. 228), как сообщал своим доверителям Сен-Жюст 17 октября 1790 г. Год спустя тон Сен-Жюста совершенно переменялся, но пока первые успехи революции настраивали его, как и большинство современников, в духе умеренности и оптимизма.

Этим духом проникнут и написанный Сен-Жюстом осенью—зимой 1790 г. и опубликованный в Париже в июне 1791 г. политический трактат «Дух Революции и Конституции во Франции». Рассказывают, что, работая над ним, Сен-Жюст в погожие дни прохаживался большими шагами вдоль грабовой аллеи, где на равном расстоянии один от другого были расставлены три стола с письменными принадлежностями, и, сформулировав какую-то идею, присаживался к ближайшему из них, чтобы ее записать, а вечером собирал все листы и приводил в порядок.⁹ Возможно, это лишь легенда, которая, однако, неплохо передает стилистические особенности «Духа Революции», да и большинства других сочинений Сен-Жюста — чеканную афористичность формулировок, далеко не всегда логически связанных между собою.

Автор «Духа Революции» несомненно находился под большим впечатлением от «Духа законов» Ш. Л. Монтескье, об этом свидетельствуют и название, и эпиграф, и композиция, и, самое главное, — основные идеи книги. В этом своем трактате Сен-Жюст опирается на политическую теорию Монтескье, обосновывая поддержку Конституции, над которой в это время работало Учредительное собрание. Он не только признает правомерность и необходимость конституционной монархии во Франции, он принимает и цензовую систему избирательного права, категорически отвергая самое идею имущественного равенства.

Эта политическая умеренность столь резко отличает «Дух Революции и Конституции во Франции» и от антимонархических выпадов в «Органте» («Трон — это всего лишь чурбан, на который каждый может воссесть» — V. I. P. 131), и от его речей, произнесенных позднее с трибуны Конвента, что консервативный Э. Флери назвал книгу «шедевром разума по сравнению с тем, что было написано им до и после нее», утверждая, что она совершенно не вписывается в логику развития его мысли.¹⁰

⁸ Триаж — право сеньора получить при разделе общинных земель третью часть, дарованное королевским эдиктом 1669 г.

⁹ *Vellay Ch. Saint-Just. Premieres luttres politiques II Rev. de Paris. 1906. T. 5. P. 820.*

¹⁰ *Fleury Ed. Saint-Just et... T. 1. P. 113.*

Революция открыла перед Сен-Жюстом новое поле легальной деятельности, а ее первые успехи создали впечатление, что дворянство добровольно откажется от своих привилегий и построить царство разума и справедливости, о котором мечтали просветители, можно будет конституционным путем. Отсюда умеренность «Духа Революции», выразившаяся, в частности, в обращении к политической теории Монтескье. Однако Монтескье не единственный авторитет для автора: Сен-Жюст пытается соединить теорию разделения властей с учением Руссо об общей воле и народном суверенитете.

Казалось, Сен-Жюст мог надеяться, что успех книги, тираж которой был раскуплен в считанные дни, откроет перед ним путь к политической карьере, несмотря на юный возраст. Особые надежды он возлагал на выборы в Законодательное собрание, хотя ему более года не хватало до необходимых для избрания 25 лет. Популярность Сен-Жюста в кантоне и в дистрикте внушала надежду, и первичным собранием избирателей Блеранкура Сен-Жюст действительно был избран выборщиком. Однако собрание выборщиков департамента в начале сентября 1791 г. аннулировало мандат Сен-Жюста.

Эта неудача была воспринята Сен-Жюстом как катастрофа, и личная драма совпала с наступлением политической реакции после попытки бегства короля и расстрела республиканской манифестации на Марсовом поле в Париже. Двойная коллизия способствовала дальнейшей эволюции мировоззрения Сен-Жюста, на которую оказала влияние и подготовка к судебному процессу Блеранкурской коммуны против сьера Грене. В «Мемуаре», составленном Сен-Жюстом, тон по отношению к Грене становится резким и угрожающим. Важно отметить, что детальное изучение тех изменений, которые происходили в отношениях между общиной и сеньорами на протяжении более чем двух столетий, позволили Сен-Жюсту не только увидеть связь между сокращением общинных земель и уменьшением стада, ухудшением общего положения крестьянства, но и понять значимость общинного землевладения и общинных распорядков (V. 1. P. 232—249). Деятельное сочувствие соседям-земледелцам вылилось в стремление понять причины общественного неравенства и найти способы его устранения. Примерно в этот период, между сентябрем и августом 1792 г., Сен-Жюст работает над новым философско-политическим трактатом «О Природе, Гражданском состоянии и Гражданской общине, или Правила независимости управления», который остался незавершенным. Написана была примерно половина, если судить по оглавлению, и потому мы не можем представить, как изменилась в целом система его взглядов по сравнению с «Духом Революции». Однако небезынтересно проследить, как от сочинения к сочинению меняется не только выбор «учителей», но и отношение к их учениям. В антицерковной сатире «Органт» Сен-Жюст *следует* за Вольтером («Орлеанская девственница»), а в социальной и политической критике — отчасти за более радикальными мыслителями Просвещения, например Руссо, но при этом в основном повторяет общие места. В «Духе Революции» пытается *проанализировать* политическое положение Франции, *опираясь* на учения Монтескье и Руссо, порою по-своему их *интерпретируя*. Наконец, в сочинении «О Природе, Гражданском состоянии...» он уже совершенно определенно стремится найти *собственный путь*, выработать собст-

венную систему взглядов, основываясь на учениях Монтескье и Руссо, Мабли и школы физиократов.

Полемизируя с Руссо, Монтескье и Гоббсом, Сен-Жюст строит свою теорию естественного состояния человека, которое он рассматривает, подобно физиократам и Мабли, как состояние общественное, а не как совокупность изолированных друг от друга индивидов. Причины перехода к гражданскому состоянию, т. е. к «отношению потребностей» людей Сен-Жюст усматривает в развитии торговли, земледелия и ремесла; именно это и привело к возникновению неравенства между людьми. Наконец, эти же занятия, а также завоевания привели к внесению в отношения между людьми фактора силы, присущего отношениям между государствами, к переходу в политическое состояние, которое Сен-Жюст называет еще «состоянием дикости».

В этом трактате Сен-Жюст впервые для себя формулирует некоторые черты эгалитарного идеала — установление максимума и минимума земельных владений, неотчуждаемость минимума, призванного обеспечить потребности человека, ограничение прав наследования. Но пока этот идеал представляет собою скорее не вполне определенную мечту об очень отдаленном будущем.

Восстание 10 августа 1792 г., свергнувшее монархию во Франции, открыло Сен-Жюсту «путь наверх». 5 сентября, достигнув наконец законного возраста, он был избран 349 голосами из 600 пятым депутатом департамента Эна в Национальный конвент.¹¹

II

13 ноября 1792 г. Конвент приступил к обсуждению вопроса о судьбе «бывшего короля французов». Открыл прения депутат Вандеи жирондист Мориссон, заявивший, что «закон нем по отношению к королю. Мы не вправе судить его». Вслед за ним слово взял депутат, почти никому не известный. Возражая Мориссону, возражая Комитету законодательства, по мнению которого короля следовало судить как простого гражданина, он выступал фактически и против мнения большинства Конвента. Но ни в его речи, ни в манере держаться не было и тени робости или неуверенности. Из сферы юридической он переводил дискуссию в сферу политическую и, делая практические выводы из теории общественного договора Руссо, доказывал, что обычные юридические нормы не применимы в отношении человека, стоявшего над законом, а следовательно, вне закона; что поскольку «невозможно царствовать и не быть виновным» (с. 13), короля «следует не столько судить, сколько покарать как врага» целой нации.

Оратор, дотоле неизвестный, был выслушан Собранием с напряженным вниманием. Поражал и чеканный стиль речи, хладнокровная убежденность, так неожиданно контрастирующие с его обликом: нежные правильные черты лица, большие серо-голубые глаза, кудри до плеч, тонкая стройная фигура делали его совсем юным, — и контраст этот еще усиливал впечатление от произносимых им слов. Назавтра слова его речи повторяли за стенами Кон-

¹¹ См.: *Fleury Ed. Saint-Just et...* Т. 1. P. 150—151.

вента, а через несколько дней имя Луи Антуана Сен-Жюста, самого молодого из 749 депутатов Конвента, стало известно всей стране.

3 декабря, используя и развивая аргументацию Сен-Жюста, казни короля потребовал Робеспьер.¹² Требуя смерти, монтаньяры добились суда. Когда же жирондисты, не желавшие смерти короля, предложили вынести приговор Конвента на утверждение народа, Сен-Жюст, открывший прения 27 декабря, решительно высказался против этого плана, напоминая своим коллегам: «Не вы обвиняете, не вы судите Людовика — это народ в вашем лице обвиняет и судит его» (с. 31), Сен-Жюст был в числе тех 387 депутатов, которые 17 января 1793 г. голосовали за смертную казнь короля. «Поскольку Людовик XVI был врагом народа, его свободы и его счастья, я голосую за смерть», — мотивировал он свой вотум (D. P. 71).

Вопрос о суде над королем не случайно занимал одно из центральных мест в борьбе между Горой и Жирондой в первые месяцы деятельности Национального конвента — еще в первой своей речи Сен-Жюст отметил, что «республику вы будете устанавливать в том же духе, в каком будете судить короля» (с. 14). Однако это не значит, что Сен-Жюст тогда уже прочно занял место среди монтаньяров — сам водораздел между партиями тогда еще не сложился окончательно. Первые речи Сен-Жюста в Конвенте получили высокую оценку не только в якобинской, но и в жирондистской прессе. Бриссо после выступления Сен-Жюста 13 ноября писал: «Среди идей преувеличенных, свидетельствующих о молодости оратора, в речи есть блистательные места, талант, который может сделать честь Франции».¹³ А 30 ноября, после нового выступления Сен-Жюста, отмечал в своей газете «Патриот франсэ», что тот «делает честь своему таланту, защищая свободу торговли».¹⁴

Это была речь «О продовольствии» (29 ноября 1792 г.), которая занимает особое место в развитии мировоззрения Сен-Жюста, представляя собою поворотный пункт от трактатов с теоретизированием в несколько абстрактном духе века Просвещения к постановке острых проблем общественной жизни Республики. Резкое обострение продовольственного кризиса к концу зимы 1793 г., вызвавшее новые волнения в Париже, привело к несколько запоздалому и неожиданному отклику на речь Сен-Жюста, вышедшую к тому времени отдельным изданием: в середине февраля он сделался объектом резких нападок со стороны «бешеных». Его упрекали, в частности, за утверждение, что «положительный закон о продовольствии никогда не будет разумным» (с. 16), — этим словам аплодировали жирондисты.¹⁵ И ни те ни другие как будто не обратили внимания, что Сен-Жюст выступает не столько против каких-либо ограничений свободы торговли, «против вмешательства государства в экономические дела, сколько против неэффективности частичных вмешательств».¹⁶ Он стремится найти долговременное решение проблемы продовольствия, решение, которое было бы приемлемо и для крестьян-хлебопроиз-

¹² См.: *Робеспьер*. Т. 2. С. 133—141.

¹³ *Hamel*. P. 117—118.

¹⁴ *Ibid.* P. 133.

¹⁵ См.: *Матъез А.* Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М.; Л., 1928, С. 85.

¹⁶ *Michalet Ch.* Economic et politique chez Saint-Just: L'exemple de l'inflation (Actes. P. 186).

водителей, и для потребителей; выступая в Конвенте, он видел перед собою не только изможденные нуждою лица парижских санкюлотов, но и натруженные руки своих соседей-землепашцев, колышущиеся нивы Пикардии.

Речь «О продовольствии», удостоившаяся высокой оценки со стороны двух непримиримых политических противников, какими были Марат и Бриссо,¹⁷ создала Сен-Жюсту «репутацию государственного деятеля».¹⁸ На следующий день, 30 ноября, он был избран одним из шести секретарей бюро Конвента, 19 декабря — председателем Якобинского клуба, а в январе 1793 г. вошел в состав Конституционной комиссии Клуба. В Конвент и в Клуб сходились все нити общественно-политической жизни Республики, и Сен-Жюст получил таким образом возможность еще более расширить круг своих представлений о положении в различных департаментах и в целом по стране.

Вероятно, результатом его участия в Конституционной комиссии Якобинского клуба стало представление на суд Конвента собственного проекта конституции. В предпосланной ему большой речи (24 апреля 1793 г.) Сен-Жюст изложил принципы, положенные в основу этого проекта. Речь «О Конституции» представляется едва ли не самой оптимистической из всех, произнесенных им в Конвенте. В ней звучит уверенность в скорой и окончательной победе, для которой необходимо лишь дать французскому народу хорошую конституцию, соответствующую общей воле и естественной справедливости, чувствуется характерная для Просвещения вера во всемогущество мудрого законодателя. И в речи, и в проекте конституции нашли отражение многие идеи, вынашиваемые им еще со времен, предшествовавших созыву Конвента. В основу своего проекта, который он противопоставляет жирондистскому, представленному от имени Конституционной комиссии Конвента Антуаном Кондорсе, Сен-Жюст кладет теорию народного суверенитета Руссо. Для осуществления верховной власти народа, по мнению Сен-Жюста, необходима выборность на демократической основе всех должностных лиц Республики, но прямые выборы предусмотрены лишь при формировании законодательного корпуса, что и выделяет его несомненное верховенство. В противном случае все местные власти приобрели бы характер представительства, что привело бы, по мнению Сен-Жюста, к дроблению суверена. Подчиненное положение Исполнительного совета по отношению к законодательному корпусу вытекает из того же принципа: конституция должна обеспечить воплощенное в единстве власти единство нации и государства. Административное деление Франции призвано лишь облегчить «осуществление избирательного права и выражение воли народа» (с. 68). Поэтому в основе его должна лежать численность населения, а не территория административного округа. Иначе «народ разобщен, власть концентрируется в правительстве, трудно соединить воедино расчлененный суверен» (с. 68). Впоследствии обвинение в «федерализме», в стремлении к раздроблению суверена стало одной из основ обвинительного доклада против жирондистов.

Следует отметить, что, оспаривая мнения и планы жирондистов в общеполитических вопросах, Сен-Жюст вплоть до антижирондистского восстания

¹⁷ См.: Марат Ж. П. Избранные произведения. М., 1956. Т. 3. С. 186; Hamel. P. 133.

¹⁸ Матъез А. Борьба... С. 85

31 мая—2 июня 1793 г. оставался как бы вне непосредственной борьбы партий (D. P. 16). Не этим ли объясняется, что ещё в конце мая Клод Фоше писал в своем «Журналь дез Ами» в отчете о заседании Конвента 24 апреля 1793 г., что «Сен-Жюст изложил свои взгляды и показал талант. Если он не позволит убийцам подрезать себе крылья, он сможет подняться к высотам гения» («убийцами» Фоше, как и другие жирондисты, называл монтаньяров).¹⁹ Возможно, внешне беспристрастная позиция Сен-Жюста стала одной из причин того, что обвинительный доклад против жирондистов после их свержения Комитет общественного спасения поручил именно ему.

К Комитету общественного спасения Сен-Жюст был присоединен 30 мая вместе с еще четырьмя депутатами, составившими комиссию по завершению выработки конституции. 5 июня они стали полноправными членами Комитета, а 10 июня представили результаты своей работы Конвенту. Определить точно роль Сен-Жюста в создании окончательного текста не представляется возможным. Конституцию 1793 г. роднит с проектом Сен-Жюста не только и не столько содержание отдельных статей, сколько единство духа и стиля.²⁰ В то же время следует сказать, что созданная после победы над жирондистами конституция отличалась несколько большей умеренностью, чем проекты, представленные монтаньярами ранее. Этого требовала необходимость сплотить силы перед лицом внутренней и внешней контрреволюции.²¹

Вероятно, этим же объясняется умеренность выводов, сделанных Сен-Жюстом в обвинительном докладе против жирондистов, произнесенном уже после того, как многие из них, бежав из Парижа, из-под домашнего ареста, в департаменты, подняли там восстание, сомкнувшись с роялистской контрреволюцией. Впрочем, доклад этот следует рассматривать как плод коллективного творчества: 24 июня он был представлен на рассмотрение Комитета общественного спасения, 2 июля одобрен им и лишь 8 июля представлен Конвенту.

Надеждам на умиротворение не суждено было осуществиться. Размах федералистского мятежа, рост внешней опасности сделали невозможным немедленное введение Конституции, получившей одобрение народа и торжественно провозглашенной на празднике Единства и Неделимости Республики 10 августа 1793 г. В ходе борьбы спонтанно складывались новые революционные формы управления страной. Однако официально революционный порядок управления был провозглашен лишь 10 октября (19 вандемьера 11 года по революционному календарю). Докладчиком Комитета общественного спасения и, следовательно, автором первого наброска «революционной конституции» Франции стал Сен-Жюст.

В этом докладе сошлись, как в фокусе, основные направления его мысли, отразились основные направления деятельности. Подчеркнув, что «заговоры постоянно вносят смуту в государство», что «отечество тысячу раз становилось жертвою снисходительных законов» (с. 94), Сен-Жюст значительную часть своего доклада посвятил обоснованию необходимости реорганизовать

¹⁹ *Ci.: Dautry J. Saint-Just et l'abbé Fauchet // АНРТ. 1959. № 122. P. 189—190.*

²⁰ Детальное сравнение Конституции 1793 г. с проектом Сен-Жюста провел К. Н. Кетис: *Curtis E. N. Saint Just, colleague of Robespierre. New York, 1935. P. 352—355.*

²¹ См.: *Гордон Л. И. Классовая борьба и конституция 1793 г. // Французский ежегодник. 1972. М., 1974. С. 155-157.*

всю систему управления. Однако, если в ноябре 1792 или в апреле 1793 г. ему казалось, что для этого достаточно выработать и принять хорошую конституцию, то теперь во временном отказе от ее применения, в установлении строжайшего революционного контроля над деятельностью администрации, вплоть до применения чрезвычайных мер, он видит необходимое условие создания системы управления, соответствующей этой конституции. Считая максимум лишь временной, вынужденной обстоятельствами и далеко не достаточной для выправления положения мерой, Сен-Жюст предусматривает, говоря современным языком, строгую централизацию учета и распределения продовольствия в пределах всей Республики, видя в этом надежный путь решения продовольственной проблемы. Но в своей практической деятельности, прежде всего во время миссий на фронт, он всегда считался с законом о максимуме, следил за неукоснительным его соблюдением. Сен-Жюст ясно понимал, что, облегчив несколько положение бедноты, максимум осложнил положение страны в целом. Он неоднократно говорит о необходимости дополнительного обложения богатых и даже об уменьшении размеров богатств. Он говорит о том, что «в мудро управляемом государстве хлеб по праву принадлежит народу», так как «зависимость от богача унижительна», а «хлеб, получаемый от богача, горек, он угрожает утратой свободы» (с. 96).

Следует заметить, что начавшийся годом ранее переход от теоретизирования к соединению теории и практики не обошелся без потерь: эгалитарный общественный идеал Сен-Жюста, складывавшийся под воздействием просветительской литературы, в результате наблюдения общественной жизни Пикардии не только не стал в первые месяцы Конвента целью его практической деятельности, но, казалось, был предан забвению. Теперь же самую необходимость установить во Франции революционный порядок управления Сен-Жюст мотивирует не только борьбой с внешней и внутренней контрреволюцией, но и задачами установления социальной справедливости.

Это было программой деятельности не только для правительства, но и личной программой автора, что проявилось уже во время миссии в Рейнскую армию, куда Сен-Жюст был направлен вместе со своим другом, членом Комитета общей безопасности Филиппом Леба в качестве чрезвычайных правительственных комиссаров в тот момент, когда положение в Эльзасе стало особенно угрожающим. Именно миссии в Рейнскую и Северную армии положили начало «легенде» о Сен-Жюсте.²² «Блеск его прокламаций, быстрота, с которой он принимал решения, непримиримость в принципиальных вопросах, быстро восстановленное положение — все это способствовало тому, что еще при жизни имя его было окружено ореолом славы и легенды».²³ Провозгласив в докладе «О революционном порядке управления» своего рода кодекс комиссара при армии, он сам неукоснительно следовал ему. Придавая огром-

²² Лучшая работа о миссиях Сен-Жюста: *Gross J. P. Saini-Just: sa politique et ses missions.* Paris, 1974. См. также: *Чупрун Н. И.* Сен-Жюст и организация обороны Франции в 1793 г. // Науч. зап. Днепропетровск, гос. ун-та. 1956. Т. 56, вып. 4. С. 109—126; *Собуль А.* О миссии Сен-Жюста в Рейнскую армию (брюмер II года Республики) // *Собуль Л.* Из истории Великой буржуазной революции 1789—1794 гг. и революции 1849 г. во Франции. М., 1961. С. 155—171, 287—371.

²³ *Собуль А.* Из истории... С. 155.

ное значение силе *примера*, Сен-Жюст настойчиво добивался того, чтобы наиболее важные и яркие из его постановлений были обязательно зачитаны с трибуны Конвента и таким образом становились известными всюду.²⁴

Для обеспечения эффективности миссии в дополнение к власти чрезвычайного представителя правительственного Комитета Сен-Жюст стремился завоевать личный авторитет у солдат и офицеров, у представителей местной администрации. Первое время он лично бросался в бой даже в тех случаях, когда в этом не было прямой необходимости. Солдаты оценили его храбрость, но с генералами было труднее. Пишегрю, принявший командование Рейнской армией, в него поверил, а с Гошем, командующим Мозельской армией, отношения не сложились.

Довольно сложно складывались и отношения с коллегами, депутатами Конвента, находившимися с различными миссиями в Эльзасе. Постоянно подчеркивая необычайный характер своей миссии, Сен-Жюст фактически противопоставил себя представителям при Мозельской армии Лакосту и Бодо. Конфронтация едва не стала причиной осложнений в военных делах. Когда совместные действия Рейнской и Мозельской армий поставили вопрос об их объединении, Сен-Жюст и Леба по согласованию с Комитетом общественного спасения назначили командующим соединенных армий генерала Пишегрю. Но когда они уехали на несколько дней в Париж, Лакост и Бодо сместили Пишегрю, назначив на его место Гоша. Назревавший конфликт едва удалось погасить благодаря вмешательству Комитета и проявленной Сен-Жюстом в этот момент терпимости. Полученный в Эльзасе урок не был для него напрасным, и в своих последующих миссиях в Северную армию он постоянно действует в тесном контакте с остальными комиссарами Конвента.

Из поездки в Париж Сен-Жюст и Леба возвращались в сопровождении Элизабет Дюпле, ставшей три месяца назад женою Филиппа, и составившей ей компанию его сестры Анриетты. Эту восемнадцатилетнюю девушку некоторые авторы со слов Элизабет Леба называют невестой Сен-Жюста. В переписке Филиппа с женою встречаются смутные намеки на начавшийся было роман и внезапный непонятный разрыв. Дружба Леба и Сен-Жюста от этого не пострадала, хотя в ней и появилась некоторая недосказанность; Леба не сопровождал Сен-Жюста во время последней миссии на Север, — но в это время Элизабет ждала ребенка. 9 термидора Филипп Леба по собственной воле разделил судьбу своих друзей — Максимилиана Робеспьера и Антуана Сен-Жюста.

Миссии Сен-Жюста и Леба в Рейнскую и Северную армии причисляют к наиболее успешным в истории революции. Самому же Сен-Жюсту этот опыт показал не только возможность, но и способы достижения общественного идеала. Условием восстановления боеспособности Рейнской армии, терпевшей одно поражение за другим, было не только усиление ее командного состава, не только укрепление воинской дисциплины. Последнее невозможно было без наведения порядка в снабжении армии и без создания надежного тыла. Всю тяжесть поставок для армии народные представители возложили на зажиточную часть местного населения — широкую известность получил, *например*,

²⁴ См.: Gross J. P. Saint-Just en missions: la naissance d'un mythe // Actes. P. 37—69.

приказ разуть в двадцать четыре часа десять тысяч страсбургских «аристократов», чтобы обути босых солдат. Но и сами солдаты, среди которых было немало волонтеров, оставивших дома семью, не должны были испытывать беспокойства о том, что земля их останется необработанной, что дети и престарелые родители окажутся без помощи и поддержки в трудное время. И в разные концы страны отправлялись письма комиссаров Конвента с требованием оказать помощь той или иной семье защитника отечества. В прифронтовых районах, в тех департаментах, на которые распространялась власть народных представителей в миссии, Сен-Жюст и Леба изыскивали способы оказания и непосредственной помощи «неимущим патриотам». Средства для этого дали девятимиллионный принудительный заем, наложенный на страсбургских богачей, и аналогичный пятимиллионный заем в Нанси. Большая часть поступлений от этих займов предназначалась для нужд армии и для укрепления крепостей Страсбурга и Нанси, но соответственно два миллиона и один передавались в распоряжение муниципалитетов для помощи «неимущим патриотам».

Именно во время миссии в Эльзасе Сен-Жюст увидел в системе революционной порядка управления ту силу, те органы, на которые можно опереться при осуществлении программы более широких социальных преобразований — народные общества и наблюдательные, или революционные, комитеты. Еще до декрета 14 фримера (4 декабря 1793 г.), возложившего на эти комитеты «проведение революционных законов и мер общественной безопасности и общественного спасения», Сен-Жюст поручает наблюдательным комитетам Страсбурга и Нанси выполнение постановлений о принудительном займе, привлекает народные общества к распределению и выполнению реквизиций; он советуется с ними при назначении или смещении должностных лиц; муниципалитетам, коммунаам поручалось оказание помощи «неимущим патриотам». И именно на коммуны, народные общества и их наблюдательные комитеты декретом 13 вантоза (3 марта 1794 г.) возлагалась вся подготовительная работа на местах для определения «способов удовлетворить всех обездоленных за счет имущества врагов революции» (с. 119).

Идея использовать собственность врагов революции для удовлетворения нужд ее защитников, продиктованная самой логикой борьбы, стала популярной зимой 1793/94 г. Попытки осуществления предпринимались в различных департаментах по инициативе и местных органов, и комиссаров Конвента начиная с осени 1793 г. Подобные требования звучали в Генеральном совете Парижской коммуны и в Якобинском клубе. С предложением «просить Конвент принять декрет о передаче республиканцам земель, находящихся в руках врагов государства», выступил в конце октября Шометт. О необходимости «передать санкюлотам все, что теряют аристократы», говорил Анрио, командующий Национальной гвардией Парижа. 7 плювиоза (26 января 1794 г.) в Конвенте Кутон предложил «наложить секвестр на имущества лиц, арестованных как подозрительные», но предложение это не было принято.²⁵

25 См.: *Собуль А.* Парижские санкюлоты вовремя якобинской диктатуры. М., 1966. С. 337—340; *Чупрун Н. И.* Сен-Жюст и вантозские декреты // Проблемы якобинской диктатуры. Одесса. 1962. С. 441—442.

Однако, провозгласив программу вантозских декретов, Сен-Жюст не только подхватил популярные лозунги. Им руководили не прагматические соображения, а намерение произвести «революцию в гражданском состоянии» (с. 120). Начиная с 8 вантоза он во всех своих программных выступлениях говорит о необходимости установлений, «которые являются душой Республики» (с. 110), без которых «нет прочной свободы», поскольку «они поддерживают любовь к отечеству и самый революционный дух, когда революция прошла» (с. 167). «Только установления создают гарантии власти и заставляют человеческую гордость навсегда склониться перед общественной свободой» (с. 171). Более того, в принятый по его докладу декрет 27 жерминаля (16 апреля 1794 г.) «Об общей полиции» была включена статья, предлагающая Конвенту выделить из своей среды комиссию для составления «собрания гражданских установлений, предназначенных охранять права и дух свободы» (с. 170). Оставшиеся месяцы до 9 термидора Сен-Жюст, очевидно, был в основном занят разработкой системы республиканских установлений, которые, охватив все стороны жизни общества, все отношения его членов в единстве содержания и внешних его проявлений, должны были стать не просто дополнением к конституционным законам, но условием их действительности.

Оставшиеся разрозненные записи, изданные в 1800 г. под названием «Фрагменты Республиканских установлений», с наибольшей полнотой отразили представление Сен-Жюста о том, каким должно стать французское общество в результате революции. В этом обществе «не должно быть ни богатых, ни бедных», потому что «роскошь — это позор» (с. 294); в этом обществе каждый обязан трудиться, поскольку, «если все будут трудиться, установится изобилие <...> не будет больше порока» (с. 291). Огромное значение Сен-Жюст придает воспитанию достойных граждан республики, подготовленных к труду и к защите отечества; он вдохновляется установлениями древней Спарты и идеалами Платоновой республики, идеями Руссо.

В «Республиканских установлениях» особенно проявились характерная для Просвещения уверенность, что стоит дать народу разумные законы, соответствующие природе человека, и все встанет на свое место, а также присущее эгалитарной утопии стремление к жесткой, порою мелочной регламентации — от ежегодных отчетов граждан об употреблении своего состояния до предписания не есть мясо в определенные дни декады. Но в то же время интересны его соображения о связях между экономикой и «нравами»: «Эти два предмета имеют столь много общего, что почти невозможно рассматривать их по отдельности. Немногие правительства могут устоять перед пороками своей экономической системы» (с. 292). Рассматривая «нравы», т. е. традиции, обычаи в их положительном проявлении как цель и в то же время условие существования Республики, Сен-Жюст замечает, что «если бы у нас были (добрые. — *Т. Ч.*) нравы, все пошло бы хорошо; чтобы улучшить их, нужны установления» (с. 285), а в другом месте утверждает: «чтобы изменить нравы, нужно начать с удовлетворения потребностей и интересов; нужно всем дать немного земли» (с. 294). Теми же мыслями пронизаны его доклады 8 и 23 вантоза (26 февраля и 13 марта 1794 г.).

В программе вантозских декретов были и конъюнктурные моменты. Революционное правительство несколько месяцев подвергалось непрерывным ата-

кам и справа, и слева, причем левые в значительной мере опирались на поддержку муниципальных органов Парижа, на секции, выражали настроения народных масс. Со всех сторон звучали требования положить конец злоупотреблениям властью и необоснованным репрессиям.

Программа вантозских декретов была выдвинута от имени правительственных комитетов. Но ближайшие единомышленники Сен-Жюста Робеспьер и Кутон ни разу в своих публичных выступлениях не коснулись этого вопроса; к тому же оба в течение месяца отсутствовали из-за болезни.²⁶ Социальные идеалы Робеспьера и Сен-Жюста были сходными, но, возможно, пути достижения цели представлялись им по-разному. Высказывалось предположение, что союзниками Сен-Жюста здесь были скорее левые из Комитета общественного спасения, Бийо-Варенн и Колло д'Эрбуа.²⁷ Но Бийо-Варенн, чьи социальные идеи, судя по опубликованным в начале 1793 г. «Основаниям республиканизма», были действительно очень близки Сен-Жюсту,²⁸ находился в это время в миссии в Сен-Мало. Итак, не исключено, что большинство членов правительственных комитетов дало себя уговорить лишь из страха перед народным движением, рассматривая вантозские декреты как своего рода политический маневр. Аналогичная ситуация сложилась и в Конвенте, где большинство составляла «Равнина», депутаты, представлявшие интересы новой революционной буржуазии и поддерживавшие Революционное правительство лишь постольку, поскольку оно было необходимо для защиты позиций, завоеванных ими в ходе революции. Голосуя за принятие вантозских декретов, они рассматривали их скорее как способ успокоения народных масс. Последующее развитие событий пошло именно в этом направлении, и Сен-Жюст вольно или невольно играл в этом центральную роль.

III

Та роль, которую сыграл Сен-Жюст в политической жизни Республики весной 1794 г., представляется порою даже историкам, симпатизирующим робеспьеристам, несколько зловещей: четыре обвинительных доклада в Конвенте менее чем за месяц. Три политических процесса над ведущими деятелями революции, ответственность за которые он во многом взял на себя, сделали Сен-Жюста едва ли не центральной фигурой террора.

Через все программные доклады Сен-Жюста красной нитью проходит мысль о том, что построить, укрепить Республику можно лишь при условии единства всех патриотических, революционных сил. Фракции, «снисходительные» и «крайние», своей деятельностью разрушают это единство, раскалывают народ, — так считал Сен-Жюст. Ему, вероятно, казалось, что достаточно обезглавить фракции, чтобы, покончив с ними, расчистить путь республике равенства и справедливости.

²⁶ См.: Palmer R. R. Twelve who ruled. Princcton, 1941. P. 284.

²⁷ Ibid. P. 285.

²⁸ Abensour M. L. Philosophie politique de Saint-Just // AHRF. 1966. N9 186. P. 350—356. Ср.: Жорес. Т. 6. С. 48—60.

Резкая активизация деятельности фракций и борьба между ними в январе—феврале 1794 г., в условиях относительной стабилизации положения на фронтах, сделала само существование фракций вопросом жизни и смерти для революционного правительства. Явился ли призыв к восстанию, прозвучавший 14 вантоза (4 марта 1794 г.) в клубе Кордельеров, лишь поводом для нанесения удара по его лидерам, сказалось ли это на мере пресечения их деятельности, но процесс и казнь эбертистов окончательно решили и судьбу их противников дантонистов.

В первоначальном варианте обвинительного доклада Сен-Жюста против дантонистов имелись неточности, и Робеспьер, по поручению ли Комитета или по собственной инициативе, взялся поправить его, а заодно дополнил сведениями, неизвестными Сен-Жюсту.²⁹ Окончательный текст был утвержден на соединенном заседании Комитетов общественного спасения и общей безопасности в ночь с 10 на 11 жерминаля, еще до того как был подписан приказ об аресте Дантона, Демулена, Делакруа и Филиппо. Год спустя Марк Вадье, член Комитета общей безопасности, рассказывал, что Сен-Жюст, настаивая, чтобы арест депутатов-дантонистов был произведен решением самого Конвента, чтобы обвинительный доклад был прочитан в присутствии самих обвиняемых, в гневе бросил в огонь свою шляпу, выскочил из зала заседаний комитетов, хлопнув дверью, и его едва удалось убедить в необходимости немедленно арестовать дантонистов, дабы не подвергать излишней опасности революционное правительство.³⁰

Конечно, главное из обвинений, выдвинутых против Дантона, — в стремлении восстановить во Франции королевскую власть — было абсурдно; конечно, отрицание всех его заслуг перед революцией было по меньшей мере несправедливым. Но, хотел того Дантон или нет, к весне 1794 г. он стал центром притяжения всех, кто, получив свое, разбогатев за годы революции, теперь стремился остановить ее. Сен-Жюст считал, что именно они тормозят проведение в жизнь вантозских декретов.

Едва ли не самое примечательное в обвинительных докладах Сен-Жюста — оптимизм победителя, непоколебимая уверенность в том, что стоит приложить еще одно усилие, устранить с пути еще одно препятствие, еще одну фракцию, и цель будет наконец достигнута, свобода наконец укрепится, и Республика подойдет наконец к осуществлению своих идеалов, к установлению царства добродетели. И эта уверенность придавала особую убедительность его словам.

На мажорный тон настраивали и личные дела. Вероятно, в середине марта состоялась помолвка Луи Антуана Сен-Жюста и Анриеты Леба: 16 марта он перебрался из гостиницы на улице Район, где в течение полутора лет снимал две комнаты за 72 франка в месяц, в квартиру на улице Комартен 3, задолжав примерно за 10 месяцев и оставив в залог голубой сюртук и короб бумаг.³¹ Но мебелировка новой квартиры, потребовавшая денег, так и осталась

²⁹ Mathiez A. Les notes de Robespierre conire Dantonistes // Mathiez A. Etudes sur Robespierre. Paris, 1973. P. 121 —156. См. также: *Робеспьер*. Т. 3. С. 142—153.

³⁰ Vellay Ch. Saint-Just et le process des Dantonistes // AR. 1908. An. 1. P. 101 — 102.

³¹ См.: *Alger J. P.* Paris in 1789—1794. London, 1903. P. 455.

незавершенной.³² Разрыв произошел ещё до конца апреля, и, похоже, личная драма была связана с определенным надломом в мировосприятии Сен-Жюста.

Разгром фракций не дал желаемого результата, не привел к консолидации сил, необходимой и для борьбы с контрреволюцией, и для осуществления социальной программы; эффект от принятия вантозских декретов оказался много меньшим, чем Сен-Жюст, по-видимому, рассчитывал.³³ Они не решали проблем текущего момента; проведение же подготовительных работ наталкивалось на упорное, хотя и глухое сопротивление зажиточной верхушки города и деревни, в руках которой находились органы местного управления, и со стороны выражавшей ее интересы в Конвенте «Равнины».

Доклад Сен-Жюста «Об общей полиции» уже далеко не столь оптимистичен, как предыдущие, хотя в нем еще звучит надежда. По тону и по содержанию он во многом напоминает доклад «О революционном порядке управления» и даже речь «О продовольствии». Сен-Жюст вновь обращается к анализу экономических трудностей, пытается найти средства их преодоления. И вновь он указывает на необходимость упорядочения и централизации управления таким образом, чтобы были учтены все интересы. Он говорит о необходимости «успокоить приобретателей» (с. 156) национальных имущества, сетует на крайнюю затрудненность торговли, предлагает меры поощрения промышленности. Как непохоже это на то, что он писал Робеспьеру из Страсбурга четыре месяца назад: «Фабриканты не патриоты, они не желают работать, их нужно принуждать к этому» (с. 343). Может создаться впечатление, что Сен-Жюст забыл о провозглашенной им в вантозе программе. Но за несколько дней до этого доклада он составил циркуляр, подписанный затем всеми членами обоих комитетов, в котором давались пространные указания относительно всех подготовительных работ.³⁴ А в статье 3 предложенного декрета предусматривалось создание к 15 флореаля народных комиссий для рассмотрения дел заключенных.

С принятием вантозских декретов Сен-Жюст получил возможность на законных основаниях добиваться осуществления своей социальной программы, которой оставался верен до конца. И когда в отсутствие Сен-Жюста, находившегося в очередной миссии, Конвент принял по докладу Барера декрет о создании «Книги национальной благотворительности», который фактически подменял программу вантозских декретов мерами по оказанию материальной помощи преимущественно нетрудоспособным, последовал циркуляр Комитета общественного спасения от 1 мессидора (19 июня 1794 г.), отправленный за подписью Сен-Жюста, где разъяснялось, что «декрет 22 флореаля и все последующие законы об общественной помощи и искоренении нищенства отнюдь не освобождают муниципалитеты от предоставления списков неимущих своих коммун в соответствии с декретом 13 вантоза».³⁵

³² См.: *Vauthier G.* La succession de Saint-Just // AR. 1923. An. 15. P. 513—514.

³³ См.: *Собуль А.* Парижские санкюлоты... С. 340.

³⁴ См.: *Schnerb R.* Les lois de ventose et leur application dans le departement du Puy-de-Dome // ANRF. 1934. № 65. P. 408; *Чупрун Н. И.* Сен-Жюст и вантозские декреты... С. 462.

³⁵ *Schnerb R.* Les lois... P. 405, 407—408; *Чупрун Н. И.* Сен-Жюст и вантозские декреты... С. 461—465.

Но при этом меры, предложенные Сен-Жюстом после принятия вантозских декретов в интересах имущих слоев, были также закономерны. И те и другие были направлены на стабилизацию режима. Однако эти два пути стабилизации были трудносовместимы. Разочарование в возможности быстрого осуществления социальной программы в масштабах всей страны, ожесточенное сопротивление со стороны имущих мерам, которые он с таким успехом применил в Эльзасе в экстремальных условиях прифронтовых районов, вызвали у него горькие слова: «Революция оледенела... Применение террора притупило преступление, подобно тому как крепкие напитки притупляют вкус. Несомненно, что еще не настало время делать добро. Отдельные проявления добра — это паллиатив. Необходимо ждать всеобщего зла, достаточно великого, чтобы общественное мнение испытало потребность в мерах, способных творить добро. Тот, кто приносит общее благо, всегда страшен, или кажется странным, если начинает слишком рано» (с. 290).

Подчеркнув еще в докладе 8 вантоза отличие террора от непреклонного революционного правосудия (справедливости), Сен-Жюст несколько разошелся с Робеспьером, отождествлявшим эти два понятия: «Террор есть не что иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость».³⁶ В докладе 26 жерминаля Сен-Жюст требовал не усиления террора, а его централизации и упорядочения. Печально знаменитый закон 22 прериала (10 июня 1794 г.) был принят на следующий день после отъезда Сен-Жюста из Парижа с новой (последней) миссией по докладу Кутона и при непосредственном участии Робеспьера. За две недели до этого Сен-Жюст был вызван в Париж в самый разгар боевых действий, возможно, именно для обсуждения проекта этого закона — во всяком случае ничего более, что требовало бы его присутствия в Комитете, не обнаружено.³⁷ По логике вещей именно Сен-Жюст должен был внести в Конвент подобный законопроект — не случайно Жорж Лефевр усмотрел определенную связь между вантозским законодательством и законом 22 прериала.³⁸ Заметим, что еще ранее, также в отсутствие Сен-Жюста, Комитет общественного спасения постановил создать в г. Оранж народную комиссию из пяти членов для суда над мятежниками Юга, процессуальные нормы для которой определяли инструкции Комитета, ставшие прообразом закона 22 прериала. Закон этот, чрезвычайно расширивший толкование понятия «враг революции» и до предела упростивший судебную процедуру, закон, на который Робеспьер возлагал большие надежды, лишь еще более осложнил его положение, сделавшись орудием в руках его врагов.

Близкий друг Сен-Жюста Пьер Гато писал впоследствии, находясь в термидорианской тюрьме: «Я был свидетелем его негодования при чтении закона 22 прериала <...> Но, — добавлял Гато, — в то же время я должен сказать, что он неизменно с восхищением говорил о талантах и суровой добродетели Робеспьера, перед которым он всегда преклонялся» (V. 1. P. XII—XIII). В своих целях и стремлениях Робеспьер и Сен-Жюст оставались едины.

³⁶ *Робеспьер* Т. 3. С. 112.

³⁷ Едва ли не первым обратил внимание на странность этот вызова в Париж Э. Амель: *Hamel*. P. 512—514.

³⁸ ³⁸ См.: *Lefebvre G. Sur la loi du prairial an II // AHRF. 1951. № 121. P. 225—256.*

Из своей последней миссии Сен-Жюст возвратился в Париж 10 мессидора (28 июня 1794 г.), возвратился победителем; 7 мессидора был наконец взят Шарлеруа, а на следующий день армия Журдана нанесла поражение войскам герцога Кобургского при Флёрюсе. Столько сил и энергии вложил он в организацию этой победы, но победа его не радовала. Он даже отказался доложить о ней Конвенту.³⁹ С каждой новой победой французских армий уменьшалась угроза реставрации монархии, а вместе с нею уменьшалась и та сила, которая принуждала буржуазию мириться с ограничениями экономической свободы и с вмешательством государства в ее дела, а санкюлотов — с экономическими трудностями. Социальная база якобинской диктатуры все более размывалась. Новый заговор объединил остатки эбертистов и дантонистов и всех, кто по тем или иным причинам опасался революционного правительства. Противопоставить этому заговору можно было лишь единство правительства, но положение давно осложнялось соперничеством между комитетами общественного спасения и общей безопасности; теперь к нему добавились разногласия внутри Комитета общественного спасения, разногласия, вызванные не только различием политических устремлений, но и столкновением характеров.

Все же Сен-Жюст не отказывался от борьбы и за восстановление единства действий в правительстве, и за осуществление провозглашенной в вантозе программы. Ради этого он готов был пойти и шел на некоторые компромиссы. Так, на совместном заседании комитетов 4 и 5 термидора (22 и 23 июля 1794 г.) он согласился с отправкой на фронт канониров Национальной гвардии Парижа, являвшихся опорой робеспьеристской Коммуны, но добился принятия решения о создании четырех народных комиссий, предусмотренных декретом 23 вантоза — две первые комиссии были созданы в конце флореаля и рассматривали дела заключенных парижских тюрем.⁴⁰ Тогда же комитеты поручили Сен-Жюсту представить Конвенту доклад о политическом положении, тот самый доклад, который ему так и не удалось произнести на заседании 9 термидора.

События 9 и 10 термидора достаточно хорошо известны. Мы никогда в точности не узнаем причин загадочного молчания Сен-Жюста во время бурного заседания Конвента, после того как Тальен прервал его речь. Мы никогда не узнаем, почему этот человек действия, единственный из робеспьеристов, кто действительно обладал военным опытом, ничего не сделал для организации вооруженных сил восставшей Коммуны.

Он не оказал никакого сопротивления при аресте и вечером 10 термидора молча и спокойно взошел на эшафот.

«Он остался воплощением Революции II года, во всем ее величии, как и во всех ее противоречиях», — заметил Альбер Собуль (D. P. 37).

³⁹ См.: *Barere B. Memoires*. Paris, 1842. Т 2. P. 158.

⁴⁰ *Mathiez A. Les seances 4 et 5 thermidor an II aux deux Comites de salut public et de surety generale // Mathiez A. Giriondins et Montagnards*. Paris, 1938. P. 149—150, 161—162.